

АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВА
ВИКТОР НАЧАЛОВ

ЮЛИЯ
НАЧАЛОВА
ПИСЬМА ОТЦА К ДОЧЕРИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 784:929
ББК 85.364.1(2)
НЗ6

Дизайн обложки *Анны Якуниной*

Фото на обложке работы *Ruslan Elquest*

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива семьи Началовых
(среди них фото работы Влада Локтева и Ruslan Elquest)

Издательство благодарит *Анну Исаеву*
за помощь в работе над книгой

**Антонина Васильевна, Владимирова
Виктор Васильевич, Началов**

НЗ6 Юлиа Началова. Письма отца к дочери / Анто-
нина Владимирова, Виктор Началов. – Москва: Из-
дательство АСТ, 2020. – 256 с. – (Современная био-
графия)

ISBN 978-5-17-120608-6

Юлиа Началова – удивительная певица, с необыкновенным тембром голоса, запоминающейся манерой исполнения. И если мгновения ее короткой жизни нельзя вернуть, то их можно остановить, что и попытались сделать авторы этой книги. Она написана так, как пишут музыку, сочиняют балладу. Это письма-размышления отца певицы – поэта и композитора, в которых он вспоминает ее детство, школьные годы, занятия музыкой и пением, первые победы на детских конкурсах, рассказывает о становлении ее карьеры, яркой творческой жизни, о работе с коллегами по шоу-бизнесу Л. Долиной, И. Понаровской, У. Афанасьевым, Н. Басковым и другими. Это и несколько писем дочери Веры, в которых она разговаривает с мамой, делится с ней событиями своей жизни.

В книгу включены тексты Юлиных песен, которые написала она сама, а также создали ее любимая тетя Антонина Владимирова и отец Виктор Началов. Многие из них давно стали хитами, которые продолжают звучать по радио и телевидению.

УДК 784:929
ББК 85.364.1(2)

ISBN 978-5-17-120608-6

© Владимирова А.В., 2020
© Началов В.В., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ОТ АВТОРОВ

Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как звучат слова? Медленно произнося их, прислушивались к разговору гласных и согласных, чувствовали, какое настроение рождает звуки?

В слове ВЕСНА гласные протяжные, светлые, необъятные. Радостные. И необыкновенные согласные: веселые, свистящие, вершинные. Произносишь слово — и в воображении возникает яркая живая картина: земля, небо — вся природа просыпается, чтобы распахнуть глаза навстречу солнцу. И люди — часть этой природы — тоже просыпаются от зимнего сна, сбрасывают ставшие ненужными одежды, а вместе с ними все свои заботы и неприятности и... тоже тянутся к солнечному свету. К любви. Потому что солнце и любовь связаны между собой теплом и светом. Весна — это очищение, возрождение. Это — жизнь.

По-иному звучит слово СМЕРТЬ.

Дрожащий от страха неизвестности свистящий звук пронизывает ум и сердце беспощадным клинком, разрезающим жизнь на две половины — до и после. Сонорный пытается поднять вас на вершину, подальше от земного горя, но это восхождение обрывается таинственными дрожащими звуками... Загипнотизированные, вы застыли в недоумении. Что это?

Таинство? Какое? Таинство разделения души и тела? Вы не раз читали, что после смерти тело предается земле, а душа, пройдя через испытания, определяется Богом в подобающее ей место.

Понять, что лежит за чертой реального мира, мы пытаемся с детства. Помните, как в небольшом рассказе-этиуде И.А. Бунина «Часовня» дети, резвящиеся среди буйной природы под ярким солнцем, заглядывают в окна часовни, где похоронены незнакомые им дяди и тети? Маленькие люди хотят понять, почему у них тут «солнце, цветы, травы, мухи, шмели, бабочки», почему они могут играть, бегать, а те, в часовне, всегда лежат в темноте, как ночью, в толстых и холодных железных ящиках; «дедушки и бабушки все старые, а дядя еще молодой...» Молодые же не могут умирать! Но у детей, играющих около часовни, ответ на вопрос, почему так бывает, простой: «...когда очень влюблен, всегда стреляют в себя». Детская простота объяснения любого предмета или явления предельно мудра. Нам бы так...

Невозможно даже предположить, что судьба неожиданно, в один миг свяжет воедино два слова — ВЕСНА и СМЕРТЬ. Ум противится этому сочетанию: слова не только не совместимы по своему значе-

нию — они в полной мере противоречат друг другу. Антонимы. В контексте любой жизни.

Что делать? Как забыться? Как жить дальше? Эти вопросы сверлят мозг. И нет на них ответа.

Но ответ надо искать... Решение должно прийти. Рано или поздно. Решение — как, каким способом оживить мертвую душу. Не на небе — на земле.

Лермонтовский Печорин, например, когда умерла часть его души, искал приключений, чтобы оживить эту часть, но от его действий страдали другие, и это мучило героя своего времени еще больше.

Не поможет.

Многочисленные философы советуют «будить от сна свое сердце». Каким образом? Тревожить, мучить себя.

Не подходит: душевные мучения и так безграничны.

Я лично знаю многих, кто после страшной потери взялся за кисть или перо, чтобы в стихах или в прозе, в музыке или в картинах передать свою драму, облегчить страдания и, может быть, вернуть привычное общение с человеком, который уже никогда не придет из небытия.

«Жизнь мертвых... продолжается в памяти живых», — великий философ Цицерон еще до нашей эры гениально сформулировал вечную проблему, будучи уверенным, что «речь должна вытекать и развиваться из знания предмета». Именно так.

Понимаю, как опасно общение живых с мертвыми, поэтому сразу предлагаю другое направление пера или кисти: попробуем создать образ любимого человека, покинувшего этот мир. Светлый, чистый, как

родник, милый образ. Образ-память. А память, как известно, не умирает.

Последуем совету мудрого в своей простоте Юрия Визбора:

*Что ж, не будем плакать непрестанно,
Мертвые нам это не простят.*

Не будем. Попытаемся исполнить свою миссию — миссию живых по отношению к мертвым, заключающуюся в том, чтобы сохранить память о них в этом мире. Добрую память, потому что они были лучшими.

Поможет? Хоть немного ослабить петлю давящего горя?

Уверены, что поможет.

Поэтому и беремся за перо, чтобы появилась эта книга — письма отца к безвременно ушедшей дочери.

ГЛАВА 1

Музыка — это стенография чувств.
Лев Толстой

ОТЕЦ

Теплый март бьет мне в лицо ледяной струей, я ощущаю ее везде: на улице под весенним ласковым солнцем, в доме, где так уютно и тепло...

В мою душу проник холод и по-хозяйски поселился в ней.

Тебя нет с нами.

Я сплю? Или бодрствую? Не знаю. Во сне и наяву я постоянно слышу музыку, днем и ночью, стоя, сидя, лежа... Я слышу ее без единого звука в пространстве — она звучит погребальным звоном колоколов в моей душе. Целый оркестр играет что-то до боли знакомое. Медленно... Торжественно... И очень-очень громко.

— Опасность! Опасность! — сигналият пронзительные трубы, напоминая о жизни, которая внезапно оборвалась на высокой ноте.

Тебя нет с нами.

— Сложно! Сложно! — безуспешно пытается приглушить боль своим бархатным голосом сочувствующая валторна.

Тебя нет с нами.

— Бом! Бом! Бом! — барабан выбивает свой ритм, колотя по моей душе, как по костям одеревеневшего мамонта.

Я сжимаюсь, ожидая убийственно низкого звучания контрабаса, который, как мне кажется, спешит бездушно ущипнуть мое больное сердце. Как ни странно, его глубокий и низкий голос успокаивает. Я понимаю, что еще способен мыслить, причем мыслить здраво. Кроме того, он напоминает мне бас-гитару — инструмент, более близкий и щадящий мои нервы, потому что вся моя сознательная жизнь музыканта связана с гитарой. Спокойный ритм контрабаса приглушает мои фантазии. Я пытаюсь забытья...

Сквозь ледяной поток звуков с трудом прорывается изысканная и утонченная скрипка. Раньше она казалась мне такой нежной и чувственной, но сейчас я слышу ее мрачный, несдержанный и даже грубый голос. Голос скрипки похож на человеческий, но на этот раз она не поет — она как будто хочет зарыдать.

*А скрипка плакала и пела
О жизни, смерти и любви...*

Хочет заплакать, зарыдать — и не может.

И я хочу заплакать — и не могу.

Тебя нет с нами.

Вздрыгнув, просыпаюсь от оглушительной тишины, и мне становится еще хуже, и я молю Бога, чтобы

поскорее опять зазвучала в моей душе эта знакомо-незнакомая музыка.

Только бы мне не сойти с ума...

Холод на сердце моем и тьма...

Холод и тьма.

Тебя нет с нами.

Я тихо поднимаюсь с постели, чтобы не разбудить Таю, и иду на кухню. Сердце подсказывает, что я должен что-то сделать, чем-то занять себя. Должен хоть на время выбраться из цепкой паутины своих переживаний. Но я не знаю, как это сделать. И до утра сижу за столом, обхватив голову руками, и слушаю... Слушаю... Что я, музыкант, хочу услышать? Что я слышу?

Тебя нет с нами.

К утру, измученный бессонницей, я забываюсь, впадая в состояние, осмыслить которое не в силах. Мне кажется, что я чувствую и понимаю то, что раньше не чувствовал и чего не понимал. Но если бы меня сейчас попросили описать это психологическое состояние, я бы, наверное, не смог: не хватает слов. Да и мысли разлетаются в разные стороны, как испуганные выстрелом птицы, с криком поднимающиеся в небо.

Тебя нет с нами.

Я поднимаю голову, но вместо высокого просторного неба вижу белый каменный потолок, давящий своей тяжестью.

Тебя нет с нами...

ДОЧЬ

Холодно... Мне холодно не от мороза, а от нервов. В провинциальный город прошлого столетия медленно крадется январская ночь, поэтому никого не пускают внутрь областной больницы. Но отойти от ее светящихся окон не могу. Жду. Жду рождения мальчика. Сына. Холодно. И скользящие тени за окнами. Бесконечные тени. В этом здании нет дня и ночи: новая жизнь может постучаться в двери в любое время, и врачи готовы принять эту жизнь, разрешить ей заявить о себе громким криком, а потом дать маленькому комочку успокоиться у груди измученной родами матери.

Промерзнув до костей, дрожа не столько от холода, сколько от волнения, пытаюсь зайти в приемную. Дежурная медсестра сочувственно смотрит на меня. Прошу только об одном — разрешить погреться. Но затем, осме-

лев, робко пытаюсь узнать, что там, в десятой палате родильного отделения. Родился уже мой сын? Пора. Сестра, молоденькая женщина, почти ровесница, видя мое взволнованное лицо, решает смириться и отправляет нянечку в родильное отделение. Возвратившись, пожилая женщина с усталыми глазами привычно произносит:

— Дочь.

— Что?!

Старушка в белом халате, с грустными глазами и седыми волосами. Что она такое говорит?

— Дочь.

— Дочь? Но у меня должен быть сын!

— С чего бы это?

— Мы думали... Нам говорили...

— Девочка. Три сто пятьдесят. Мама чувствует себя нормально. Дочь — это такая радость!

Голос нянечки напоминает мне шорох ветра, пытающегося проникнуть в этот священный дом.

— Спасибо.

Выхожу на улицу. Морозный воздух обжигает лицо, не остывшее от волнения. Не могу собраться с мыслями, понять свои чувства. Девочка... Дочь... Но как же так? Я уже придумал, как буду учить сына играть на гитаре! Учить петь. Дочь... А ведь мы даже не придумали для нее имени. Представляю курносое личико с яркими глазками, маленькую ручку, ножку с крохотными пальчиками... Девочка? Моя дочь? На меня похожая?!

Какой сегодня день? Час?

Тридцать первое января.

Двадцать три часа пять минут.

Тысяча девятьсот восемьдесят первый год.

Дочь. Какое же имя мы дадим ей? Простое, светлое, красивое...

Мы назовем ее... Юлия! Юля!

МАТЬ

Когда я поняла, что беременна, мы с Витей очень обрадовались, потому что в наших семьях было непреложной истиной: ребенок — это великое счастье. Мы начали готовиться к рождению ребенка: купили кроватку, пеленки, распашонки... И все время находились в состоянии радостного ожидания.

Родильный дом номер четыре города Воронежа был переполнен: рожали много. В моей палате было восемь рожениц. Я так мучилась от болей, разрывающих тело, что усердно молила Бога о том, чтобы дитя поскорее появилось на свет. Мы не знали, кто у нас родится — мальчик или девочка. Витя был уверен в том, что будет наследник, а я всем сердцем чувствовала, что девочка.